

❧ *Старинный роман* ❧

Анастасия
ТУМАНОВА

Венчание с бесприданницей

роман

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т83

Художественное оформление серии *С. Прохоровой*

Иллюстрация на переплете *Виктории Тимофеевой*

Туманова, Анастасия.
Т83 Венчание с бесприданницей : роман / Анастасия Туманова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Старинный роман).

ISBN 978-5-699-92302-1

Мыслимое ли дело творится в Российской империи: потомок старинной дворянской фамилии Михаил Иверзнев влюбился в крепостную крестьянку Устинью, собственность его лучшего друга Никиты Закатова! А она мало того что дала решительный отказ, храня верность жениху, так еще и оказалась беглой и замешанной в преступлении — этот самый жених вместе с братом, защищая ее, убил управляющую имением. И страдать бы Иверзневу от неразделенной любви, если бы не новая беда — за распространение подозрительной рукописи среди студентов он схвачен жандармами. Спасать его мчится красавица-сестра, от любви к которой сохнет Никита Закатов и которая встречает Никиту на пороге церкви, где он только что обвенчался. С другой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92302-1

© Туманова А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

В полдень над Севастопольским заливом солнце. Бомбардировок не было с самого утра, и чёрный дым над горизонтом, скрывающий остовы потопленных на рейде кораблей, давно рассеялся. Но над всей линией русских укреплений поднимались белые шары выстрелов. Второй и третий бастионы были сплошь затянуты дымом. Из-за бесконечного грома ружейной перестрелки уже давно ничего не было слышно. Сквозь дымовую завесу пехотинцы едва различали синие с красным мундиры французов, начавших штурм Малахова кургана. Всюду лежали раненые, на которых никто не обращал внимания. Волна французов захлестнула бастион, кое-где уже были отброшены штыки и шла яростная и отчаянная рукопашная.

— Петров, вставай! Вставай, брат, надо... — Штабс-капитан Закатов пытался приподнять лежащего на земле солдата. Тот был ранен в грудь, из последних сил хрипел:

— Ваше благородие, бежите... Да бежите вы за ради Христа... Француз уж кругом... Опоздаете... Никита Владимырьч, да прошу ж я вас...

— Петров, потерпи... Сейчас будут носилки, потерпи!

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

— Вы мамаше отпишите... Знаете ведь, куда... Земли ж... Бельский уезд... село... село Триш...

— Петров, держись, я тебе говорю! — сорвавшимся от отчаяния голосом крикнул Закатов. — Не смей помирать! Носилки! Чёрт возьми, носилки сюда!

Но его никто не слышал. Вокруг Закатова уже не было видно ни одного русского мундира.

— С богом, ваше бла... — Петров недоговорил, в углу его рта вздулся коричневый пузырь. Раненый содрогнулся всем телом, откинул голову.

— Петров, терпи!!! Прорываться будем, держись! — Штабс-капитан вздёрнул тело солдата, показавшееся вдруг ему невыносимо тяжёлым, схватил его ружьё. Вокруг трещали выстрелы, слышалась французская брань. Тело Петрова кулём осело на землю, голова откинулась, глаза остановились. Вскочив, Закатов истошно закричал, бросился в багровой мгле наугад, и...

...— Никита! Никита, что с тобой? Да что ж ты, брат, снова... Ну, что такое? Воды дать? Давай-давай, просыпайся... Кончилась война, всё... Тьфу, чёрт, напугал как!

Закатов торчком сел в постели. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине, в висках стучала кровь. Перед глазами ещё стояла серая дымовая завеса, синие с красным мундиры, лицо мёртвого Петрова...

— Мишка, что... Я кричал? — хрипло спросил он, проводя ладонью по лбу. Голова немедленно отозвалась болью. Неровный круг света приблизился.

— Кричал? Орал как недорезанный! Надеюсь, хоть Федосье в кухне не слышно было!

— Тьфу ты... Прости. Сnilась опять дребедень какая-то... — Никита спустил ноги на пол, неловко взял

Венчание с бесприданницей

из рук друга кружку, принялся тянуть холодную воду, чувствуя, как дрожат пальцы, и от этого смущаясь ещё более.

Михаил, оседлав стул возле разворочённой постели, напряжённо смотрел на него.

— Ты ступай спать, — ставя кружку на стол, попросил Закатов. — А я, пожалуй, пойду пройдусь. Всё равно теперь не уснуть.

— Ты что, рехнулся?! — всполошился друг. — Ночь на дворе! Нет, как хочешь, я тебя из дому не выпущу!

— Мишка, отстань... — поморщился Закатов, начиная одеваться. Пламя свечи заколебалось, и в его бьющемся свете лицо штабс-капитана, перечёркнутое со лба до края губ рваным шрамом, казалось постаревшим и ещё более некрасивым.

— По-моему, не нужно тебе никуда идти. — Михаил, который всё это время пристально наблюдал за Никитой, нерешительно сказал: — Ну что ты выдумал, право? Не спится? Ну давай посидим, поговорим. Я теперь тоже не усну после твоих воплей. Научишь меня наконец-то играть в штос...

— Тебя учить что мёртвого лечить, — вяло отмахнулся Закатов. — Ты в игре смысла не видишь и расчётов не признаёшь. И играть с тобой всё равно, что с трёхлетним младенцем.

— Ну, хочешь, дам почитать что-нибудь? Свечи есть, жги хоть до утра, не жалко!

— После. — Закатов оделся, встал. Теперь свет падал на него сбоку, и стало видно, как на самом деле ещё молод этот невысокий сероглазый человек с испорченным шрамами лицом. За плечами его были Московский кадетский корпус, служба в пехотном полку, Крымская война и два ранения. Оба были получены на Малаховом кургане, во время наступления

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

французов. Осколками снаряда у Закатова было раздроблено колено и исполосовано лицо. И хромота, и шрамы должны были остаться с молодым человеком на всю жизнь.

Когда Никита, натянув шинель, вышел из дома на тёмный двор, Михаил догнал его.

— Никита... Пообещай мне, по крайней мере, что не будешь пить! И куда тебя только носит по ночам? Женщины, да?

Закатов остановился. Внимательно посмотрел в лицо друга.

— Мишка, мне ведь двадцать шесть лет. И я вовсе не обязан давать тебе отчёт. А если моя хмельная рожка оскорбляет твои трепетные чувства, я готов переехать хоть завтра.

— Закатов, ты сукин сын, — было замечено на это.

— Знаю, брат, знаю, — мирно ответил Закатов, спускаясь по крыльцу. — Ложись спать. Обещаю, что вернусь на своих ногах.

— Это уже немало! — язвительно сообщил Михаил в темноту.

Но ответа не было. Коротко скрипнула калитка, и наступила тишина.

Ночной Столешников переулок был совершенно пуст; только на углу Петровки виднелся экипаж извозчика. Когда Закатов прошёл мимо, его окликнули с козел сирым голосом:

— Вась-сиясь, куда прикажете?

— Спи, брат, мне недалеко.

Из-за заборов тянуло сыростью и запахом прелых яблок. Изредка мостовая освещалась серой полосой света: это выглядывала из рваных облаков луна. Промозглый воздух забирался за ворот. Закатов, поёжив-

Венчание с бесприданницей

шись, крепче запахнул полы старой шинели и прибавил шаг. Путь его лежал в Ветошный переулок близ Иверской.

В кривом переулке не горел ни один фонарь, было сыро, темно и несло тухлятиной. Казалось, ни зги нельзя увидеть в этой дурно пахнущей темноте, но Никита Закатов уверенно шёл по немощёному переулку, обходя лужи и кучи мусора. Добравшись до едва заметного деревянного крыльца, на которое падал свет из крошечного оконца, он поднялся по ступенькам и потянул за ручку двери.

Дверь, к изумлению Закатова, оказалась заперта. Поразмыслив, он замолотил в неё кулаком. Ему долго не отвечали. Затем послышалось торопливое шарканье шагов, и сонный голос спросил:

— И кого это посреди ночи принесло? У нас заведение порядочное, закрыто давным-давно! Ступайте, милостивый государь, подобиру-по...

— Серафимова икра, — усмехнувшись, перебил его Закатов. — Открывай, Фома.

После минутной тишины дверь с визгом распахнулась, и в проёме появилась освещённая свечой физиономия рябого полового.

— Охти, Никита Владимырыч! Уж сколько не видеть было...

— Давно ли у вас порядочное заведение, Фома?

— Вот вам всё смехи, а на нас, извольте видеть, снова огорчение упало... Ермолай Кузьмич вовсе распорядились ночью не пущать! Ежели только своего кого, аль по рекомендации надёжной...

— Закрывали вас, что ли? В тридцатый раз?

— И ведь по глупости какой, не поверите! — Половой пропустил гостя внутрь, угодливо освещая путь. — Кабы за игру али за водку разведённую —

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

ещё хоть понимание могло быть, а ведь что вышло? Бестолковщина сущая! Играли давеча у нас какой-то чин из провинции. Опосля взяли Селинку и в номер с нею поднялись. И ведь куда как довольны остались, Селинка сказывала, что обещали даже её с собой в имение увезть до конца сезона... А в гостиницу к себе возвернулись — хватъ, портмонета-то и нет!

— Быть не может! — Закатов, спускающийся вслед за половым по скрипучим ступенькам, остановился на полушаге. — Я в жизни не поверю, чтобы Селинка...

— А то ж! Знамо дело, не поверите! И наши все не поверили! Селинка отродясь такой пакости не творила, потому — барышня с пониманием, служит давно и местом дорожит! Как стало известно, она Ермолаю Кузьмичу сей же час крест поцеловала, что и в глаза того портмонета не видала! А полиции-то что! Нешто она порядочную барышню слушать станет? Забрали в каталажку прямо с кровати и всё заведение закрыли на две недели! Убытку — господи-и! Хотя в петлю полезай! А тот господин, чтоб ему пусто было, ещё в полиции бумагу написал, что в том портмонете пятьдесят тыщ казённых денег было! Ужаси, как Селинку нашу трясли! И каторгой-то стращали, и кнутобойство сулили до смерти! Хорошо ещё, что её не больно напугаешь: укрепилась и гнёт своё! Ничего, мол, не знаю, ничего, кроме положенного, не брала и даже не видала!

— Так Селинка в тюрьме?

— Есть на свете правда — выпустили третьего дня! Уж не знаю каким путём, только выяснилось, что господин тот казённую деньгу в вист в Петербурге продуд, а на Селинку списать вздумал! У нас поперву-то все номера полиция разворошила, деньги те искала... Вот мы теперь и опасаемся. Барышни вовсе не при-

Венчание с бесприданницей

нимают, пару-тройку только для настойчивых посетителей держим. И то — сколько денег ушло, чтоб позволили заведение сызнава открыть, — ужаси!

— Но игра идёт?

— А как же! Это уж самое святое! Осторожничаем, разумеется, так что...

Разговаривая, они спустились в обширную, слабо освещённую комнату, где пахло сыростью, крепкими папиросами и плохим одеколоном. Здесь оказалось довольно чисто. В углу темнел бильярдный стол, возле которого сейчас никого не было. Несколько человек сгруппировались у стола ломберного, где, по-видимому, шла серьёзная игра. Чуть поодаль, у старого буфета, за небольшим столиком, играли ещё двое: молодой, но уже сильно потрёпанный брюнет в форме пехотного штабс-ротмистра и юноша — гвардии корнет, совсем мальчик, который играл с такой сосредоточенностью, словно решал сложную задачу. Закатов, проходя мимо, вполголоса сказал:

— Здравствуйте, Ратманов.

— А, Закатов... Рад приветствовать, — отрывисто сказал штабс-ротмистр, не отрывая взгляда от карт. — Давненько вас было не видеть. Три в пиках!

— Да и вас тоже... Ездили в имение?

— А, пропади оно пропадом... Где только люди находят честных управляющих? Эй, Фома, папиросу!

Закатов только улыбнулся и, обойдя стол, присел на жёсткий диванчик неподалёку.

— Не помешаю, Ратманов?

— Ничуть. Напротив, мне всегда везёт, когда вы следите за игрой. Странно, что вы сами не хотите попробовать. Нюх старого игрока мне подсказывает, что вы были бы удачливы.

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

— Я как пушкинский Германн, — отшутился Закатов, тоже беря папиросу. — Не желаю жертвовать необходимым в надежде получить излишнее.

— Уж не знаю, как можно деньги называть излишними... А впрочем, как знаете. Итак, Сергей Станиславович?.. Да, господа, позвольте вас познакомить: штабс-капитан Закатов Никита Владимирович — гвардии корнет Тоневицкий Сергей Станиславович.

— Я очень рад, — отрывисто отозвался молодой человек, даже не взглянув на Закатова и не замечая, что новый знакомый пристально разглядывает его.

Взгляд юноши был устремлён в карты. Закатов хорошо знал, что означает в картах это напряжённое, нервное внимание, и понял, что конец близок.

Со штабс-ротмистром Ратмановым Никита Закатов был знаком много лет. Они учились на одном курсе в Московском кадетском корпусе, близки не были, но и не враждовали. Николай Ратманов происходил из известной дворянской семьи, в корпус попал на казённый счёт как сирота и сын героя Наполеоновских войн. Его отец погиб при подавлении польского бунта 1830 года, мать умерла ещё ранее, и мальчик остался на попечении дяди, генерала Ратманова. Тот занимал весьма значительный пост в Варшаве при наместнике Паскевиче, но племянника предпочёл отдать в московское заведение — чтобы, по его словам, молодой человек меньше якшался с «полячишками».

Ненависть к полякам в семье генерала Ратманова была беспредельна. С ранних лет эту ненависть воспитывали и в детях, и ещё в корпусе Коля Ратманов бледнел и стискивал зубы при виде кадета с польской фамилией. Он постоянно сидел в карцере за драки с поляками, при каждом удобном случае бросал им

Венчание с бесприданницей

в лицо: «Паны гнилые, пся крев!» Товарищи подсмеивались над этой ненавистью, но относились к ней, в общем, с пониманием, считая, что человек имеет право ненавидеть тех, кто убил его отца.

Ратманов и Закатов встретились несколько лет спустя, случайно, в осаждённом Севастополе, и, поскольку никаких знакомых в городе ни у одного из них не было, волей-неволей начали общаться близко. Быстро выяснилось, что взгляды на Польшу у Ратманова не только не изменились, но стали ещё радикальнее.

«Ратманов, но ведь это, не обижайтесь, положительно смешно, — осторожно говорил Закатов, сидя с товарищем в таверне на набережной за стаканом терпкого крымского вина. — Как в России не все хороши, так и в Польше не все дурны. У нас в Бельском уезде этого добра также хватает, ну и что? Люди как люди... Так же ленивы, так же необразованны, так же все разговоры — о страде, охоте и сене...»

«Закатов, вы судите о том, чего не знаете, — сквозь зубы говорил Ратманов, и в его маленьких чёрных глазах зажигался нездоровый огонь. — Не знаю, что представляют собой ваши смоленские полячишки: как-то не было охоты выяснять. А я жил в Варшаве и видел этих гнилых панов во всей красе! Ничего путного, уверяю вас, они не представляют. Неграмотны, дики, тупы и гонористы! Живут по-свински, и даже о сене разговаривать не хотят! Только о своей великой Речи Посполитой, которая умирает под гнётом проклятых москалей! Умирать под гнётом Наполеона им, вероятно, было более авантажнo! Чуть выпьют — сейчас готовы орать: «Ещё Польша не сгинела!» и распевать свои гимны! Россию, которая, между прочим, спасла их от Наполеона и дала Конституцию, возненавидели лютой ненавистью! Мечтали об

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

освобождении — им, видите ли, было плохо под нашим покровительством! Варшавскую заутреню помните?! Когда они наших беззащитных людей резали как свиней?! Спящих, в постелях? С благословениями своих ксёндзов?! Ну и доигрались в конце концов! Остались и без независимости, и без конституции! Двадцать пять лет грызут себе локти и шипят, как придавленные змеи!»

Закатов не спорил, понимая, что это бессмысленно. Иногда Ратманов предлагал перекинуться в карты, но Никита неизменно отказывался. В корпусе у него был высший балл по математике, преподаватели восхищались его феноменальной памятью, и очень рано кадет Закатов понял, что любая карточная игра — просто последовательность математических комбинаций, запомнить которые, а значит, и выиграть, не стоит никакого труда. Подтверждение своей теории он получил довольно скоро, обыграв однажды в полку весь офицерский состав. Но Закатов счёл такой способ игры разновидностью шулерства и никогда больше не садился за зелёный стол.

После войны Закатов вышел в отставку в чине штабс-капитана, поехал в Москву навестить семью своего друга Миши Иверзнева, да так и остался у них в Столешниковом переулке.

Занимать длинные безрадостные дни было положительно нечем. Закатов нигде не служил, да и не видел в том нужды, регулярно получая деньги из имения. Доход был небольшим, иного и быть не могло с одного села и крохотной деревеньки, но и это Закатову не на что было тратить. Он не посещал ресторанов, не содержал дорогой любовницы, довольствуясь обществом гулящих девок, не держал собственный выезд. Жениться штабс-капитану и в голову не при-

Венчание с бесприданницей

ходило. Ему не надо было тратить даже на квартиру, ибо в доме Иверзневых друзей принимали по старому московскому обычаю — надолго и беспечно. К услугам Закатова была огромная иверзневская библиотека, и он с удовольствием и помногу читал, иногда тратя на чтение целый день. Время от времени он по старой памяти отправлялся на Конный рынок, где от нечего делать портил коммерцию цыганским барышникам, мгновенно отыскивая в продаваемой кляче все тщательно замаскированные недостатки. Вскоре все цыгане Конного знали хромого барина с обезображенным шрамами лицом, который «любую лошадь наскрозь видит» и к тому же неплохо понимает по-цыгански. Языку цыган Закатов выучился с тех пор, как у него в имении каждый год останавливался табор, и его очень забавляло выражение лица барышника, к которому барин внезапно обращался на его родном языке. Когда же и это переставало веселить, Закатов шёл в Бобовский трактир.

Это было известное всей Москве заведение в Ветошном переулке. Верхний этаж его выглядел вполне благонамеренно: большие комнаты, скоблёные полы, клетки с канарейками, столы под камчатными скатертями, услужливые ярославцы в белых рубахах и застеклённый буфет. Но внизу, в полуподвале, куда пускали немногих, постоянно шла большая игра. Закатов слышал об этом, но, поскольку сам не играл, не особенно интересовался бобовским «дном». Его провёл туда штабс-ротмистр Ратманов, с которым Закатов однажды столкнулся нос к носу в верхней комнате трактира.

Война не особенно изменила Ратманова: он был так же худ и чёрен, так же небрежен в одежде, в тёмных угрюмых глазах по-прежнему светилось недове-